

Мрачный метафизик, знаток потустороннего пространства и «блуждающего времени» писатель Юрий Мамлеев представил самый просветленный и, как ни странно, самый смешной из всех своих «циклов». Название нового сборника рассказов «Задумчивый киллер» напоминает «Чувствительного милиционера» Киры Муратовой, кстати, тоже самой светлой из картин исследовательницы астенических синдромов. В кино милиционер проявлял чувстви-

тельность, и значит, не все еще в этом мире потеряно. У Мамлеева «еще не все потеряно» означает: можно еще что-нибудь потерять. Намный убийца Петюня Повесов замешкался при исполнении — единственное, чем мир может помочь задумавшемуся киллеру, так это загадочным образом довершить отстрел за него. Юмор это, конечно, специфический, мамлеевский: «Если приглядеться вдумчивей, то нельзя не заметить в смерти весьма дикую анекдотичность». Здесь же, в новом вагриусовском издании, находим и несколько старых знакомых рассказов: «Утопи мою голову», «Упырь-психопат». Так что есть материал для сравнения.

Раньше Юрий Мамлеев даже не столько сам был подпольным, андерграундным автором, сколько превращал в подполье свои произведения. Для всех задумавшихся и сомневающихся в его книгах был навечно приватизирован клочок земли. Здесь шатуны (мыслящие мужички с топорами) могли окопаться, отлежаться, пока «накатит суть». Здесь и копилась годами эта жутковатая бытийная энергия. Кстати, месторождение этой энергии сочли недостаточно разработанным, поэтому роман «Шатуны» (1988) вновь переиздает Ad Marginem.

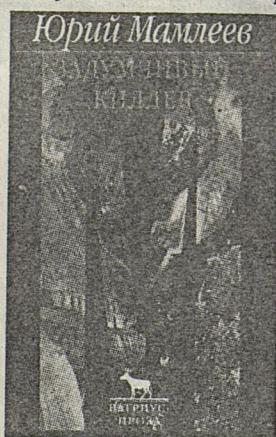
Теперь же, спустя 15 лет, Юрий Мамлеев с какой-то гоголевской усмешкой наблюдает, как реальность настолько обнагела, что стала круче его текстов. Телевизоры издают такие дикие звуки, что уже не слышно привычного для мамлеевских рассказов потустороннего воя. Все шиворот-навыворот, «даже на том свете». Раньше у избранных героев тяга к крови и к смерти была «связана с мыслительным процессом» — теперь трупам да упырями никого не удивишь, хорошо если хоть тяга к мыслительному процессу осталась. В новой реальности ко всегдашним странным мамлеевским героям добавились новые персонажи — киллеры, их работодатели и прочие успешные люди. Автор всех жалеет: каждому он готов дать возможность «познать конкретно бесконечность вселенной». Вы когда-нибудь видели, как бабюшка освящает какой-нибудь офис или парикмахерскую? Вот от последних рассказов Юрия Мамлеева примерно такое же ощущение шока и умиления. Как говорит герой рассказа «Стуки и страхи», «потерпим, Альф, не будем скулить в преддверии нового тысячелетия».

Писатель мамлеевского поколения Анатолий Азольский выпустил новый роман «Дивер-

санта». Главный герой «назидательного романа для юношей и девушек» — «влюбленный патриот и враль», рвущийся на фронт и уверенный, что дойдет до Берлина. Скостив себе несколько лет, юный Леня Филатов проходит обучение в школе диверсантов и действительно доходит до Берлина, по дороге как следует научившись жестокости и любви. На этом, впрочем, жизнь не заканчивается: еще несколько глав посвящены послевоенным мытарствам все еще молодого человека. Повествование в «Диверсанта» молодежато скачет: то Леня героически, то позорно трусит, то шеголяет в шелковом немецком белье, то рвет на портянки нателные рубашки. То он клянется в правдивости, признает собственную исповедь «фантастическим измышлением психики юнца, напуганного до смерти реальностью войны». Во всяком случае, он очень хочет во всем разобраться, поэтому живет «читающе», то есть пытается осознать, что же происходит.

Приключенческо-философское повествование из времен Великой Отечественной вряд ли произведет настоящую новаторскую диверсию в стане военной прозы. Ведь уже написан игровой «Чонкин» Войновича, отыграна романтика каверинских «Двух капитанов», зафиксирован с точностью до доли секунды богомолковский «Момент истины». Сам Анатолий Азольский, выпускник Высшего военно-морского училища, запомнился читателям как автор целой серии остросюжетных военных рассказов и повестей («Лишний», «Москва—Берлин—Москва»). В «Диверсанта» есть понемногу от каждого из этих произведений. Но есть еще и жесткость нашего, тоже не особенно мирного времени. Этот «танец летчиков» уже прерван стрельбой террористов. Герой ощущает себя персонажем Жюль Верна или Дюма, в то время как его место — в «Черной книге войны».

Интересно, что и в диалоге с молодыми современными авторами последнее слово остается за заслуженным пожилым литератором. «Диверсанта» на несколько ступеней выше прославившейся было «Голой пионерки» Михаила Кононова: даже эротические приключения 15-летнего бойскаута Лени Филатова оказываются разнообразней походов кононовской героини. Не говоря уже о том, что война как сексуальная трагедия разыграна в «Диверсанта» с большим размахом и достоверностью. Да и все, что растянуто в эпопее Павла Пепперштейна «Мифогенная любовь каст» на два тома, — у Азольского есть в более читабельном и компактном виде. Писатель преуспел и в скандальности: «Диверсанта», где герои с первых же страниц подробно планируют, как будут в Берлине работать над созданием нового советско-немецкого поколения, ни в коем случае нельзя переводить на немецкий. Если не международный скандал, то по крайней мере посевшие волосы на голове писателя-мироотворца Гюнтера Грасса обеспечены.

Юрий Мамлеев.
Задумчивый киллер. Циклы.
М.: Вагриус, 2003

Анатолий Азольский.
Диверсанта. М.: Грантъ, 2002

Кассирская - 2003 - 19 грей. - с. 22.